

Преступление в Блэк Дадли

М.: Олимп, 1992

Содержание:

- Роберт Колби. Звук убийства (рассказ, перевод О. Тимофеевой), с. 3-14
- Ричард Деминг. Женщина должна быть практичной (рассказ, перевод О. Тимофеевой), с. 15-27
- Дик Эллис. Человек на крючке (рассказ, перевод Б. Елшина), с. 28-35
- К.Б. Гилфорд. Пять тысяч долларов (рассказ, перевод О. Тимофеевой, Н. Кашиной), с. 36-56
- Ричард Хардвик. Убийство на косе Дейви Джоунс (рассказ, перевод Е. Елшиной), с. 57-70
- Ричард Деминг. Ограбление по «гениальному» плану (рассказ, перевод Е. Елшиной, Е. Тельминовой), с. 71-81
- Джон Лутц. Полуночный товарняк (рассказ, перевод Б. Елшина), с. 82-86
- Генри Слезар. Три мили до Марлейбоуна (рассказ, перевод Б. Елшина), с. 87-115
- Стэнли Эллин. Когда принимается решение (рассказ, перевод Н. Кашиной), с. 116-135
- Джеймс Холдинг. Конфликт интересов (рассказ, перевод Н. Кашиной), с. 136-162
- Дафна дю Морье. Самоубийство без всяких причин (рассказ, перевод Б. Елшина), с. 163-202
- Марджери Аллингхэм. Преступление в Блэк Дадли (роман, перевод Е. Елшиной, Е. Тельминовой), с. 203-287

Дафна Дю Морье

Самоубийство без всяких причин

Было около половины двенадцатого утра, когда Мэри Фаррен прошла, в охотничью комнату, где хранилось оружие, взяла пистолет своего мужа и зарядила его. После этого она поднесла его к виску и нажала на спусковой крючок.

Слуга ее мужа, сэра Джона Фаррена, слышал резкий звук выстрела, находясь в буфетной. Он знал, что сэр Джон отсутствовал и обещал быть дома только к ленчу, посему ни у кого никаких дел в оружейной комнате в этот час не должно было оказаться. Слуга очень удивился и поспешил выяснить, в чем дело, а когда вошел в комнату, увидел леди Фаррен, лежащую на полу в лужице собственной крови. Она была мертва.

Охваченный ужасом, он срочно вызвал экономку, и после непродолжительного разговора они решили, что сначала должны позвонить семейному доктору, затем в полицию и уже после этого самому сэру Джону, который был на заседании совета директоров.

Доктор и полицейские прибыли почти одновременно, с интервалом в несколько минут, и слуга рассказал им, как все произошло, практически повторив то, что он уже говорил им по телефону: с леди случилось несчастье, она лежит на полу в охотничьей комнате с простреленной головой. Похоже, что она уже мертва.

Телефонный разговор, требовавший срочного возвращения домой сэра Джона, был построен иначе. В нем просто спрашивалось, не мог ли бы сэр Джон приехать тотчас же домой, так как с леди произошел несчастный случай. Поэтому, когда сэр Джон прибыл домой, ужасающую новость ему сообщил уже доктор. Для доктора это была мучительная, причиняющая боль обязанность. Ведь он знал Джона Фаррена многие годы: оба они с леди Фаррен были его пациентами и одновременно друзьями. Доктор никогда в жизни не встречал другой более счастливой и любящей пары, с нетерпением ожидавшей появления на свет первенца. Это должно было случиться весной.

Как полагал доктор, все обстояло прекрасно, состояние Мэри Фаррен было хорошим, она с радостью готовилась к тому, чтобы стать матерью, поэтому никаких осложнений не предвиделось.

В этих условиях самоубийство леди Фаррен просто не имело никакого смысла. А то, что это было самоубийство, не вызывало ни у кого сомнений. Корявым почерком на листке блокнота, найденном на столе в оружейной комнате, Мэри Фаррен нацарапала фразу из трех слов: «Прости меня, дорогой».

Пистолет, как это было всегда, лежал незаряженным в дальнем углу ящика стола. Для всех было очевидным, что Мэри Фаррен целенаправленно вынула пистолет, зарядила его и затем застрелилась. Полиция, со своей стороны, согласилась с выводом доктора о том, что рана была нанесена ею собственноручно. Своеобразное облегчение доставила мысль о том, что, скорее всего, она умерла мгновенно.

Сэр Джон Фаррен выглядел совершенно убитым. В течение того получаса, что он обменивался словами с доктором и полицией, он постарел на целых двадцать лет.

– Почему все-таки она сделала это? – повторял он периодически, находясь в состоянии душевной агонии. – Мы были так счастливы. Мы искренне любили друг друга. И ребенок вот-вот должен был родиться. У нее не было никаких мотивов для этого поступка, абсолютно никаких.

Ни у доктора, ни у полицейских на это не было ответа.

Обычные для подобного случая формальности, включая следствие, были закончены довольно быстро. Вывод проведенного дознания был легко предсказуем и не вызывал сомнения: самоубийство без каких-либо свидетельств в отношении состояния разума умершей.

Сэр Джон Фаррен снова и снова консультировался с врачами, но ни один из них не мог прийти к какому-то определенному заключению.

– Да, это вполне возможно, – говорил один из специалистов, – женщины в ее положении могут временно доходить до сумасшествия, но вы бы наверняка заметили признаки наступления такого состояния. Вы говорите, что она была совершенно нормальной накануне вечером, нормальной утром за завтраком. Насколько вам это известно, у нее никогда не было каких-либо мрачных мыслей.

– Да, абсолютно ничего подобного, – произнес сэр Джон. – Мы завтракали вместе, как это бывает обычно, составили план на вторую половину дня. После моего возвращения с заседания совета директоров мы должны были проехать на машине. Она была весела и вполне счастлива.

Бодрое состояние духа леди Фаррен было также подтверждено прислужгой. Горничная, зашедшая в ее спальню в половине одиннадцатого, застала хозяйку рассматривавшей пеленки, которые прислали накануне в почтовой посылке. Леди Фаррен, довольная рисунками и работой в целом, показала их служанке и затем сообщила, что возьмет обе, и розовую и голубую – на всякий случай: для мальчика и для девочки.

В одиннадцать пришел коммивояжер фирмы, изготавливающей садовую мебель. Леди приняла его, выбрала из каталога два больших кресла. Слуга сэра Джона также знал об этом, так как леди Фаррен показывала ему каталог после того, как коммивояжер покинул дом.

Слуга же зашел в спальню, чтобы выяснить у нее, не будет ли каких распоряжений для шофера, на что леди Фаррен ответила: «Нет, я не собираюсь выходить из дома до обеда, поскольку сэр Джон сам повезет меня на прогулку».

Слуга вышел из комнаты, оставив свою хозяйку пить молоко. Он был последним, кто видел леди Фаррен живой.

– Таким образом получается, – проговорил сэр Джон, – что в промежуток между этим моментом, который имел место приблизительно в одиннадцать двадцать, и одиннадцатью тридцатью, когда она выстрелила в себя, Мэри потеряла рассудок. Но это просто нонсенс. Здесь что-то не так. Должно же быть что-то, какая-то причина. Я найду ее, я не успокоюсь, пока не добьюсь этого.

Доктор попытался сделать все возможное, чтобы отговорить его, но все старания оказались тщетными. Сам же доктор был убежден в том, что Мэри Фаррен не смогла противостоять внезапному шторму, пронесшемуся в ее мозгу, что явилось следствием ее физического состояния, и, не отдавая себе отчета, она покончила с собой. Пусть это будет так. Пусть эта версия сохраняется. И только время поможет Джону Фаррену пережить и забыть этот мрачный эпизод своей жизни.

Однако Джон Фаррен вовсе не старался забыть эту непонятную трагедию. Он направился в частное детективное агентство и переговорил с одним человеком по имени Блэк, которого рекомендовало руководство фирмы как заслуживающего доверия и умеющего держать язык за зубами. Сэр Джон поведал ему всю историю. Блэк был ловкий и хитрый шотландец. Он не говорил много, он только слушал. Его собственное мнение состояло в том, что версия доктора – правильная; внезапный шторм в мозгу, вызванный беременностью, был мотивом для самоубийства. Тем не менее, будучи человеком, добросовестно относящимся к своим обязанностям, он направился в загородный дом сэра Джона, чтобы провести опрос прислужки.

Он задавал много вопросов, которые не задавала даже полиция; доверительно переговорил с доктором; проверил и просмотрел всю корреспонденцию, пришедшую на имя леди Фаррен в течение последних нескольких недель; расследовал все ее телефонные разговоры и встречи с близкими и друзьями. И тем не менее не нашел ответа, который бы соответствовал запросу его клиента.

Одно очевидное подозрение, которое возникло в его практическом уме – не ждала ли леди Фаррен ребенка от любовника, – также не подтвердилось. Проверка, даже двойная проверка этой версии показала ее полную невозможность. Муж и жена были преданны друг другу и, кроме того, фактически не расставались в течение последних трех лет, то есть с момента их бракосочетания. Слуги в один голос говорили о сильной привязанности и глубоком уважении супругов. Не существовало проблем и финансовых.

Проницательному и хитрому Блэку не удалось проследить и выявить ни одной малейшей неверности и со стороны сэра Джона. Слуги, друзья, соседи – все подчеркивали его высокие моральные качества. Отсюда следовало, что жена не могла застрелиться из-за какой-либо промашки с его стороны, о которой вдруг стало известно.

Можно считать, что Блэк временно потерпел неудачу. Но он, говоря военным языком, не был разбит окончательно. Он считал, что, взявшись однажды за какое-либо дело, нужно довести его до конца. И хотя в данном случае проблема представлялась крепким орешком, ему было больно смотреть на агонию морального духа сэра Джона.

– Знаете, сэр, – обратился Блэк к Джону Фаррену, – в случаях, подобных нашему, мы часто пользуемся приемом, когда прослеживается вся личная жизнь интересующего нас человека, начиная буквально со дня его рождения. Если не идти так глубоко, а ограничиться только анализом недавнего прошлого – это, как правило, к успеху не приводит. Я, с вашего разрешения, обшарил каждый дюйм стола вашей супруги, исследовал все ее бумаги и корреспонденцию, но не нашел ничего такого, что бы дало мне хоть малейший намек на характер беспокойства, возникшего в ее разуме и приведшего к несчастью, если, конечно, что-то подобное вообще имело место. Вы говорили мне, что встретились с леди Фаррен – мисс Марш, таково ее девичье имя – во время поездки в Швейцарию. Она жила со своей больной теткой, мисс Верой Марш, которая воспитала ее, поскольку родители девочки рано умерли.

– Да, это так, – ответил сэр Джон.

– Они жили в Сиерре, а также в Лозанне, и вы познакомились с обеими мисс Марш в доме общей подруги в Сиерре. У вас завязалась дружба с младшей мисс Марш, а к концу вашего отпуска вы уже были от нее без ума, так же как и она полюбила вас, и вы попросили ее быть вашей женой.

– Да.

– У старшей мисс Марш не было возражений; на самом деле она была в восторге. Между вами была достигнута договоренность, что вы будете выделять ей сумму на содержание, достаточную для нее самой, а также ее компаньонки, которая бы заняла место племянницы в уходе за престарелой. Через пару месяцев или около этого вы венчались в Лозанне.

– То, что вы говорите, все точно.

– А не возникал ли вопрос о том, чтобы тетка переехала и жила бы с вами в Англии?

– Нет, – ответил сэр Джон. – Что касается Мэри, она была согласна на переезд тетки, поскольку сильно привязана к ней. Но старая Пети отказалась. Она жила в Швейцарии так долго, что опасалась неблагоприятного воздействия на нее или британского климата, или продуктов. Между прочим, с момента нашей свадьбы мы уже дважды навещали тетку.

Блэк поинтересовался у сэра Джона, не получаю ли он письма от тетки после происшедшей трагедии. Да, конечно, он сразу же написал ей. Одновременно она прочитала сообщение в газете. Тетка буквально была в шоке. Она не могла найти ни единой причины, объясняющей решение Мэри покончить с собой. Полное радости письмо, написанное ею неделей раньше, пришло в Сиерру всего лишь за несколько дней до трагедии. Мисс Марш вложила это письмо Мэри в свой конверт и направила сэру Джону, чтобы он прочел его. Сэр Джон дал посмотреть его Блэку.

– Я полагаю, – произнес после короткой паузы Блэк, – что две леди в момент, когда вы впервые познакомились с ними три года назад, жили тихой, размеренной жизнью. Не так ли?

– У них была небольшая вилла, я уже говорил вам об этом, – произнес сэр Джон. – Примерно два раза в год они имели обыкновение приезжать в Лозанну и снимали комнаты в пансионате. Старая леди страдала заболеванием легких, но не настолько серьезно, чтобы лечиться в санатории. Мэри была очень преданная племянница. Кстати, это был один из первых мотивов, заставивших меня приблизиться к ней. Ее мягкость и кротость характера, чуткое отношение к тетке.

– Значит ли, что ваша будущая жена не очень-то уж часто выходила в свет? У нее не было друзей одного с ней возраста и все такое?

– Я полагаю, что это так. Вместе с тем это не очень-то беспокоило ее. Такова была ее натура.

– И такой ритм жизни был у нее с самого детства?

– Да. Мисс Марш была единственной близкой родственницей Мэри. Она удочерила ее, когда родители Мэри умерли. В это время Мэри была еще совсем маленькой.

– А сколько лет было вашей жене в момент вашего бракосочетания?

– Тридцать один год.

– Никаких любовных историй или помолвки до этого?..

– Абсолютно нет. Я обычно подтрунивал над Мэри в связи с этим. Она говорила, что никогда не встречала никого, кто бы вызывал у нее волнение или трепет. Это подтверждала, кстати, и ее тетка. Я помню, как однажды, когда мы уж были обручены, тетка говорила мне: «Очень редко можно

встретить еще такую же чистую и порядочную, как Мэри, молодую женщину. У нее прекрасное личико, но она не осознает этого; идеальный характер, в чем она также не отдает себе отчет. Вы самый счастливый на свете человек, сэра Джон». И действительно, я был очень счастлив.

Сэр Джон сел, уставившись на детектива; в глазах его было столько жалости и отчаяния, что даже такой жесткий шотландец, как Блэк, решил прекратить дальнейшие расспросы.

– Да, получается, что сильная любовь была с обеих сторон, – сказал сыщик. – И все же интересно знать, не было ли с ее стороны материальной заинтересованности, учитывая ваши высокое звание и положение? Я имею в виду, что тетка могла сказать племяннице, что у нее появился хороший шанс и она не должна упустить его. Другого такого человека, как вы, можно больше и не встретить. Известно, что женщины думают о таких вещах.

Сэр Джон покачал головой.

– Старая леди, возможно, думала и даже говорила об этом, я не знаю, – произнес он. – Что касается Мэри, это полностью исключается. С самого начала нашего знакомства инициатива исходила от меня, а не от нее. Это я искал возможность продолжения контактов. Если бы Мэри действительно искала мужа, она бы проявила это при нашей первой встрече. Вы же хорошо знаете такого рода кошечек. Моя знакомая, в доме которой я встретил Мэри и ее тетку, предупредила бы меня, что это – женщина, которой за тридцать и которая жаждет выйти замуж. Однако ничего подобного она не сказала. Она просто представила ее мне, проговорив: «Я хочу тебя познакомить с прелестной девушкой, которую мы все обожаем и жалеем лишь о том, что она ведет уединенный образ жизни».

– Вместе с тем вам не показалось, что она одинока?

– Вовсе нет. Она представилась мне вполне удовлетворенной жизнью.

Блэк вернул сэру Джону письмо Мэри.

– Вы все еще настаиваете, чтобы я продолжил расследование этого дела? – спросил он. – Не думаете ли вы, что было бы гораздо проще согласиться раз и навсегда с тем, что ваш доктор прав, говоря о своеобразном затмении разума у леди Фаррен, которое и послужило причиной ее самоубийства?

– Нет, я не согласен с таким заключением, – проговорил сэра Джон. – Я уже говорил вам и считаю, что где-то лежит ключ к разгадке этой трагедии, и я не сдамся до тех пор, пока не найду его. Или, скорее всего, вы найдете его для меня. Вот почему я и нанял вас.

Блэк поднялся с кресла.

– Очень хорошо, – сказал он, – если вы так подходите к этому делу, что ж, я готов продолжить расследование.

– Что собираетесь предпринять конкретно? – спросил сэра Джон.

– Завтра я вылетаю в Швейцарию.

Блэк вручил свою визитную карточку в вилле «Добрый отдых» в Сиерре, и его провели в небольшую гостиную с балконом, откуда открывался прекрасный вид на долину Роны.

Женщина, как он предположил, компаньонка мисс Марш, провела его через гостиную на балкон. Блэк успел заметить, что комната была хорошо и со вкусом меблирована, но вместе с тем ничего особенного – обычная комната пожилой английской старой девы, живущей за границей и не бросающей деньги на ветер.

Над каминной доской висел большой фотопортрет леди Фаррен, сделанный, видимо, совсем недавно, так как точную копию этого портрета он видел в кабинете сэра Джона. Другая фотография леди Фаррен стояла на письменном столе. Как предположил Блэк, Мэри было в то время около двадцати лет. Прелестная, скромная девушка, с длинными, развевающимися волосами, а не с более короткой стрижкой, как на первом снимке.

Блэк прошелся по балкону и представился пожилой леди, сидящей в кресле-коляске, как друг сэра Джона Фаррена.

У мисс Марш были седые, почти белые волосы, голубые глаза и резко очерченный тонкий нос. По короткой фразе, брошенной ею своей компаньонке, которая после этого немедленно вышла из комнаты, оставив их вдвоем, Блэк решил, что старая леди достаточно крута с теми, кто ей прислуживает. Тем не менее казалось, что она рада видеть Блэка. Она сразу же справилась о здоровье сэра Джона и сделала это с неподдельной озабоченностью, а затем поинтересовалась, не найдены ли причины, объясняющие случившуюся трагедию.

– Я сожалею, но пока должен огорчить вас, – ответил Блэк. – Собственно говоря, я приехал сюда, чтобы спросить вас, что вы знаете и что можете сказать обо всем этом деле. Вы ведь знали леди Фаррен лучше, чем кто-либо из нас, даже ее собственный муж. Сэр Джон полагает, что у вас могут быть соображения на этот счет.

Мисс Марш взглянула на него с удивлением.

– Но я же написала и сообщила сэру Джону, что была ошеломлена и полностью поставлена в тупик этим кошмарным событием, – произнесла она. – Я приложила к своему также последнее письмо Мэри. Разве он вам не говорил об этом?

– Да, – сказал Блэк, – я видел это письмо. А у вас есть другие?

– Я храню все ее письма, – запричитала мисс Марш. – Она писала мне регулярно, почти раз в неделю, после того как вышла замуж. Если сэр Джон хочет, чтобы я выслала ему все письма, я с радостью готова это сделать. Нет ни одного письма, в котором бы не выражался ее полный восторг и любовь к мужу, удовлетворенность жизнью в новом доме. Единственное, о чем она сожалела, была моя неспособность заставить себя расшевелиться и навестить ее. Но вы же видите сами, что я почти инвалид.

«Ты выглядишь еще достаточно здоровой и энергичной, – подумал Блэк, – но, может быть, ты просто не хочешь ехать». А вслух произнес:

– Я полагаю, что вы и ваша племянница были сильно привязаны друг к другу?

– Я глубоко любила Мэри и думаю, что то же чувство она испытывала и ко мне, – поспешно ответила старая леди. – Господь знает, что временами я могу быть придиричивой, но казалось, что Мэри на это практически не обращала внимания. Она была такой добродушной и с очень мягким характером.

– Вы очень сожалели, потеряв ее, когда она вышла замуж и уехала?

– Конечно, я сожалела. Я ужасно о ней скучала, да и сейчас скучаю. Но вполне понятно, что главным для меня было ее счастье.

– Сэр Джон сказал мне, что выделил вам деньги на покрытие расходов по содержанию вашей компаньонки.

– Да. Это было очень благородно с его стороны. Как вы думаете, он продолжит выплачивать деньги? Интонация ее голоса, прозвучавшая в этой фразе, была резкой. Блэк подумал, что его первоначальный вывод о том, что мисс Марш не принадлежит к числу тех, кто полностью игнорирует деньги, вероятнее всего, был обоснованным.

– Сэр Джон не говорил об этом. Однако я чувствую, что, если бы были какие-то изменения, он вам сообщил бы сам или же через своего адвоката, – сказал Блэк.

Он взглянул на руки мисс Марш. Ее кисти медленно и ритмично похлопывали по подлокотникам кресла-коляски, выдавая нервное состояние хозяйки.

– Я хотел бы спросить, не известно ли вам о чем-либо таком в прошлом вашей племянницы, что бы могло привести ее к мысли о самоубийстве? – задал он вопрос старой леди.

Она вздрогнула испуганно.

– Что вы имеете в виду?

– Например, любовная история, закончившаяся разладом, или помолвка...

– Господи спаси, ничего подобного.

Просто любопытно. Казалось, она ожидала чего-то другого и вздохнула с облегчением, когда он задал именно этот вопрос.

– Сэр Джон был единственной любовью Мэри. Она вела довольно уединенную жизнь вместе со мной, должна вам сказать. Не так много молодых людей в округе. Даже в Лозанне она не стремилась войти в круг близких ей по возрасту. Это не потому, что она была исключительно застенчивой или осторожной. Просто по причине природной сдержанности.

– А как насчет школьных друзей?

– Я сама давала ей уроки, когда она была маленькой. Затем она проучилась несколько семестров в Лозанне, когда стала постарше, но посещала занятия только днем. А жили мы совсем рядом, в пансионате. Я припоминаю одну или двух ее подруг, приходивших на чай. Но никаких более близких друзей.

– У вас сохранились какие-нибудь ее фотографии этого периода?

– Конечно, довольно много. Они все в альбоме. Не угодно ли вам посмотреть их?

– Я думаю, да. Сэр Джон показывал мне несколько снимков, но все они были сделаны уже после их бракосочетания.

Мисс Марш указала ему на письменный стол в гостиной, попросила открыть второй ящик и взять там альбом. Затем она надела очки, открыла его, а он пододвинул стул и сел рядом с ней.

Они просмотрели наугад несколько страниц. На них были многочисленные снимки, но ни один не представил особого интереса. Леди Фаррен одна. Мисс Марш одна. Леди Фаррен и мисс Марш в группе с другими. Снимки виллы. Виды в Лозанне. Блэк переворачивал страницы. Похоже, что ключа к тайне в них не содержалось.

– Это все? – спросил он.

– Я думаю, что да, – ответила мисс Марш. – Она была такой прелестной девочкой, не правда ли? Эти теплые карие глаза. Какая ужасная трагедия... Бедный сэр Джон.

– Я заметил, что у вас нет ни одного снимка, сделанного в период, когда она была ребенком. На тех, которые есть у вас, как мне кажется, ей уже больше пятнадцати.

Сначала была заметная пауза, затем мисс Марш ответила:

– Нет... кажется, нет... Я думаю, что у меня раньше не было фотоаппарата.

У Блэка был хорошо тренированный слух. Для него не составляло никакого труда определить фальшь. Определенно мисс Марш почему-то говорила неправду. Почему?

– Жалко, – проговорил он. – Я всегда думал, что интерес состоит в том, какую трансформацию претерпело лицо ребенка в лице взрослого человека. Моя жена и я просто не представляем, чтобы у нас не было альбома снимков нашего первенца.

– Конечно. Это была глупость с моей стороны, не так ли? – согласилась мисс Марш.

Она положила альбом на стол прямо перед собой.

– Я думаю, что у вас есть снимки, сделанные в фотографии? – спросил Блэк.

– Нет, – сказала мисс Марш, – или, вернее, возможно, что я их имела, но, должно быть, потеряла. Вы знаете, это могло случиться во время нашего переезда. Мы перебрались сюда, когда Мэри исполнилось пятнадцать лет. До этого мы жили в Лозанне.

– Мне помнится, сэр Джон говорил, что вы удочерили Мэри, когда ей было пять лет?

– Да. Ей вот-вот должно было исполниться пять.

Блэк опять заметил мимолетное замешательство и какую-то фальшь в ее голосе.

– У вас есть какие-то фотографии родителей леди Фаррен?

– Нет.

– Но, как я понимаю, ее отец был единственным вашим братом?

– Да, моим единственным братом.

– Что заставило вас удочерить леди Фаррен?

– Мать умерла, а брат не знал, как обращаться с ней. Дело в том, что она была довольно чувствительным и своенравным ребенком. Мы с братом оба понимали, что это будет лучшим выходом для всех нас.

– Ваш брат, конечно, выделил сумму на содержание и обучение девочки?

– Естественно. В противном случае я бы не смогла справиться с возложенной на меня задачей.

И тут мисс Марш совершила ошибку. Но благодаря именно этой ошибке Блэку, скорее всего, и удалось сдвинуть с места, казалось, неразрешимую и тупиковую проблему.

– Вы задаете самые отдаленные, прямо не относящиеся к данной ситуации вопросы, мистер Блэк, – сказала она с саркастической улыбкой. – Я вижу, что тема о пособии, выплачивавшемся мне отцом Мэри, едва ли представляет для вас хоть малейший интерес. Все, что вы хотели бы знать, состоит во вскрытии причин, в силу которых бедная Мэри покончила с собой. Но это хочет знать ее муж и я тоже.

– Все, даже, как вы выразились, самое отдаленное, но связанное с прошлым леди Фаррен, представляет для меня исключительный интерес, – твердо и отчетливо произнес Блэк. – Видите ли, именно для этой самой цели и нанял меня сэр Джон. Вероятно, настал момент, когда я должен объяснить вам, что не являюсь его личным другом, я – частный детектив.

Лицо мисс Марш мгновенно помрачнело, самообладание покинуло ее. Она внезапно превратилась в старую, очень испуганную женщину.

– Что вас интересует? – спросила она сухо.

– Все, каждая подробность, – ответил он.

Излюбленная теория, которую хитрый шотландец неоднократно излагал директору своего агентства, гласила, что на свете существует лишь очень незначительное число людей, которым практически нечего скрывать. Раз за разом он наблюдал мужчин и женщин, выступающих в суде в качестве свидетелей при перекрестном допросе, и пришел к выводу, что все они испуганы и чего-то опасаются. Но это не вопросы, на которые они должны отвечать и которые могут пролить свет на обстоятельства рассматриваемого дела. Их пугает то, что, отвечая на них, они в силу непроизвольного промаха, словесной обмолвки могут раскрыть некоторые личные тайны или секреты, которые приведут к их дискредитации.

Блэк был уверен, что в такое положение попала теперь мисс Марш. Вполне возможно, что она не знает ничего, относящегося к самоубийству леди Фаррен или его причинам. Однако сама мисс Марш определенно виновата в чем-то, что она в течение длительного времени старалась тщательно скрывать.

– Если сэр Джон выявил какие-то факты в отношении пособия и считает, что я все эти годы обманывала Мэри, он мог проявить приличие и высказать это мне лично, а не нанимать детектива, – произнесла после некоторой паузы мисс Марш.

«Ого-го, куда мы метим», – подумал Блэк.

– Сэр Джон ни разу не упомянул слово «обман», – отметил он. – Просто считал, что дела складывались странным образом.

Блэк решил использовать случай и немного рискнуть, так как понял, что потенциальный результат заслуживает этого.

– Конечно, их можно считать странными, – ответила мисс Марш. – Я старалась все делать как можно лучше и думаю, это так и было. Могу поклясться вам, мистер Блэк, что на себя я тратила лишь незначительную часть денег, а львиная доля их шла на содержание Мэри, как это и предусматривалось соглашением с ее отцом. Когда Мэри вышла замуж, и это было благополучное со всех точек зрения замужество, я посчитала, что в этом не будет ничего предосудительного, если буду откладывать деньги для себя. Сэр Джон был очень богатым человеком, и Мэри это не нанесло никакого ущерба.

– Я полагаю, – сказал Блэк, – что леди Фаррен ничего не знала о финансовой стороне дела?

– Ровным счетом ничего, – ответила мисс Марш. – Она никогда не интересовалась денежными вопросами и считала, что целиком зависит от меня. Как вы думаете, мистер Блэк, не собирается ли сэр Джон возбудить против меня дело? Если он выиграет его, а я в этом нисколько не сомневаюсь, я буду разорена.

Блэк несколько раз провел рукой по подбородку, изображая глубокое размышление.

– Я не думаю, что сэр Джон имеет такое намерение, мисс Марш, – произнес наконец он. – Но он пожелает узнать всю правду о том, что имело место.

Мисс Марш опустила глубже в своем кресле. Куда-то исчезли строгость и непреклонность, она выглядела старой уставшей леди.

– Что ж, теперь, когда Мэри нет в живых, открывающаяся свету правда уже не сможет нанести ей ущерб, – тихо произнесла она. – Дело в том, мистер Блэк, что она вовсе не была моей племянницей. Просто мне заплатили большую сумму денег за то, чтобы я воспитывала ее. Деньги должны были быть переданы ей по достижении совершеннолетия, но держала их я. Отец Мэри, с которым я подписала соглашение, некоторое время спустя умер. Здесь, в Швейцарии, никто об этом не имел ни малейшего представления. Не было ничего проще держать это в секрете. Но я, конечно, не намеревалась кому-то причинить вред.

«Это всегда случается именно так, – подумал Блэк. – Соблазн подкрадывается незаметно к мужчине или женщине, и они открывают ему дверь. Они никогда не имеют намерение причинить кому-то вред».

– Понятно, – сказал он. – Ну хорошо, мисс Марш, я не собираюсь углубляться в детали того, что вы сделали или как вы истратили деньги, предназначавшиеся для леди Фаррен. Меня сейчас больше всего интересует следующее: если она не приходилась вам племянницей, кто же в таком случае она?

– Она была единственной дочерью мистера Генри Уорнера. Это все, что я когда-либо знала. Он никогда не называл мне свой адрес или место, где жил. Все, что я знала, – это был адрес его банкира и отделение банка в Лондоне. Из этого адреса на мое имя пришло четыре чека. После того

как я взяла Мэри на попечение, мистер Уорнер уехал в Канаду и умер там пятью годами позже. Банк информировал меня об этом, и, так как я больше никогда не имела от них известий, я полагала себя свободной поступать с ее деньгами так, как захочу.

Блэк записал имя Генри Уорнера, а мисс Марш продиктовала ему адрес банка.

– Мистер Уорнер не был вашим личным другом, так ли это? – спросил он.

– О нет. Я с ним встречалась только дважды. Первый раз, когда ответила на его объявление в газете, в котором предлагалось отдать пожизненно на воспитание девочку с деликатным характером. У меня в это время не было денег, так как я буквально пару недель до этого потеряла должность гувернантки в английской семье, собирающейся возвратиться на родину. Я не хотела работать в школе, поэтому газетное объявление было как нельзя кстати, особенно принимая во внимание щедрое денежное вознаграждение на содержание и воспитание дочери, обещанное отцом. Я знала, что в этом случае смогу материально жить более свободно, чем когда-либо раньше. Говорю вам об этом вполне откровенно. Вы едва ли можете осуждать меня.

Она пристально взглянула на Блэка. Что-то от прежней уверенности постепенно возвращалось к ней.

– Я вовсе не осуждаю вас, – ответил он. – Скажите мне лучше, что вы знаете о Генри Уорнере.

– Откровенно говоря, почти ничего, – проговорила мисс Марш. – Он задал всего несколько вопросов, касающихся меня лично и моего образования. Единственное, что он подчеркнул особо при встрече, это то, что Мэри должна будет жить со мной неопределенно долго, пока, став взрослой, не выберет свой собственный путь. Он сообщил также, что не будет поддерживать с ней никакой переписки. Его планы включали переезд в Канаду, с тем чтобы оборвать все имевшиеся у него родственные и дружеские связи. Что касается меня, то я была совершенно свободна воспитывать девочку так, как мне захочется. Образно говоря, он просто умывал руки.

– Да, довольно бессердечный клиент, – закончил Блэк.

– Не совсем так, – ответила мисс Марш. – Он выглядел изможденным и сильно озабоченным, как будто бы ответственность за воспитание дочери была ему не по силам. Его жена, очевидно, умерла. В какой-то момент я его спросила, в чем выражается деликатность характера его дочери, поскольку у меня не было опыта воспитания и к тому же я не испытывала наслаждения от общения с больным ребенком.

Она перевела дух и продолжила:

– Он объяснил мне, что чисто физически у нее не было никаких изъянов, однако несколько месяцев назад она пережила ужасное железнодорожное крушение, и это вызвало шок, в результате которого она потеряла память. Что касается остального, девочка была совершенно нормальной, в здравом уме. Она не помнила всего того, что имело место до шока. Даже не воспринимала его как своего отца. Как он мне сказал, это было основной причиной его желания, чтобы она начала новую жизнь и в другой стране.

Блэк сделал несколько беглых записей в своем блокноте. Дело начало потихоньку представляться не таким уж безнадежным.

– Значит, вы рискнули взять эту девочку, страдающую от последствий шока, практически на всю вашу оставшуюся жизнь? – спросил он.

Блэк не имел никакого намерения придать своему вопросу оттенок циничности, однако мисс Марш приняла его за колкость. Она вспыхнула.

– У меня профессиональный опыт преподавания, общения с детьми, – произнесла она. – Кроме того, независимость мне дорога так же, как и другим людям. Я приняла предложение мистера Уорнера с условием, что я и ребенок должны понравиться друг другу. На нашу вторую встречу он пришел вместе с Мэри. Было просто невозможно не проникнуться к ней любовью с самого начала. Прекрасное личико, большие выразительные глаза и неясные, мягкие манеры. Она воспринималась вполне нормальной девочкой, но выглядела моложе своих лет. Я поболтала с ней немного и спросила, не желает ли она пожить со мной. Девочка ответила согласием, при этом доверительно положила свою ручку в мою. Я сказала мистеру Уорнеру «да», и сделка была завершена. В тот же вечер он оставил Мэри у меня, и ни я, ни Мэри больше никогда его не видели. Самое простое было сказать девочке, что она моя племянница, поскольку она не помнила ничего из своего прошлого. Она принимала за правду все, что я ей говорила о ее детстве. Да, это было очень легко делать.

– И с этого дня у нее ни разу не восстанавливалась память, мисс Марш?

– Никогда. Жизнь началась для нее в тот момент, когда отец передал ее мне в этом маленьком отеле в Лозанне. Кстати, новая жизнь началась и у меня самой. Я бы не смогла ее любить больше, если бы она на самом деле оказалась моей племянницей.

Блэк пробежал глазами свои записи и положил блокнот в карман.

– Итак, – сказал он, – кроме факта, что она была дочерью некоего мистера Генри Уорнера, вам ничего больше не известно.

– Совершенно верно.

– Она была просто маленькой девочкой примерно пяти лет от роду, потерявшей память?

– Пятнадцать, – поправила его мисс Марш.

– Что вы имеете в виду, говоря «пятнадцать»? – спросил Блэк.

– Я совсем забыла, – произнесла она поспешно. – В начале нашего разговора я ввела вас в заблуждение. Я всегда говорила Мэри и всем остальным, что удочерила свою племянницу, когда ей было пять лет. Так было значительно удобнее для меня, так же как и для Мэри. На самом же деле ей было пятнадцать. Теперь вы понимаете, почему у меня нет ее фотографий, когда она была ребенком.

– Да-да, – сказал Блэк, – все ясно. А теперь, мисс Марш, я должен поблагодарить вас за оказанную помощь. Я полагаю, что сэр Джон вряд ли поднимет вопрос о деньгах. Что же касается нашего разговора, по крайней мере в течение некоторого времени я буду держать в секрете рассказанную вами историю. А сейчас меня больше всего интересует, где леди Фаррен – Мэри Марш – проживала в течение первых пятнадцати лет своей жизни и что это была за жизнь. Возможно, это прольет свет на причину самоубийства.

Мисс Марш позвонила своей компаньонке, чтобы та проводила мистера Блэка. Она все еще не обрела присущего ей самообладания. Прежде чем он покинул гостиную, мисс Марш сказала:

– Во всей этой истории есть одна вещь, которая всегда озадачивала меня. Я чувствую, что ее отец, Генри Уорнер, не до конца был правдив. Все это время Мэри ни разу не проявила хотя бы малейшего признака боязни поездов. Кроме того, все мои многочисленные попытки выяснить через друзей, знакомых и просто посторонних людей сведения о каком-то ужасном железнодорожном крушении, имевшем место в Англии или где-либо еще за несколько месяцев до того, как Мэри пришла ко мне, не дали никаких положительных результатов.

Блэк вернулся в Лондон, но не стал беспокоить сэра Джона, считая, что прежде должен получить более детальную информацию обо всем этом деле. Он думал, что нет никакой необходимости раскрывать правду в отношении мисс Марш и ее удочерения. Это бы еще больше расстроило сэра Джона; с другой стороны, было крайне маловероятным, что этот факт стал каким-то образом известным его жене и вынудил ее покончить с собой.

Более интригующей вероятностью представлялась та, в соответствии с которой миссис Фаррен пережила шок. И этот шок, усиленный совпадением по времени с каким-то особым внутренним ее состоянием, сорвал вуаль, которая прикрывала ее память все эти девятнадцать лет.

Задачей Блэка теперь стало вскрыть природу этого шока. Первым делом, которым он занялся, оказавшись в Лондоне, было посещение отделения банка, где Генри Уорнер держал счет. Он повстречался с менеджером и объяснил ему свою проблему.

Оказалось, что Генри Уорнер на самом деле выехал в Канаду, там вторично женился и через некоторое время умер. Его вдова закрыла счет. Менеджер не располагал сведениями в отношении адреса, по которому проживала его вдова в Канаде.

Первая жена Уорнера умерла много лет назад. Да, менеджер знал о существовании дочери от первого брака. Она была удочерена некоей мисс Марш, живущей в Швейцарии. Чеки направлялись на ее имя, но после вторичного брака Уорнера выплата ей содержания прекратилась. Единственной полезной информацией, которую сообщил Блэку банковский работник и которая могла оказать помощь в расследовании, был старый британский адрес Генри Уорнера. И еще одна информация, которую он наверняка утаил от мисс Марш, касалась его профессии – он был церковнослужителем и в момент, когда заключалось соглашение с мисс Марш, занимал пост викария в церкви Всех Святых, приход Лонг Коммон, графство Хэмпшир.

Блэк направился в Хэмпшир с приятным чувством ожидания. Ему всегда доставляла удовольствие стадия расследования, когда мало-помалу начинали распутываться мелкие узелки и выводили на ключ к разгадке всего дела. Это напоминало ему детство, в частности, игры в прятки.

Его всегда влекло к чему-то неожиданному, и этот интерес привел в конечном счете к тому, что он стал частным детективом и никогда не жалел об этом выборе.

Хотя Блэк еще не пришел ни к каким выводам в этом деле, трудно было бы отрицать, что преподобный Генри Уорнер является главным злодеем разыгравшейся драмы. Внезапная передача умственно больной дочери совершенно незнакомому человеку, тем более живущему за границей, и последующий разрыв всяких связей с ней и отъезд в Канаду, представлялись чрезвычайным бессердечием для любого человека, а тем более священника.

Чутьем Блэк улавливал наличие в прошлом крупного скандала, и, если оставшееся после него облако все еще витает над Лонг Коммон после прошедших девятнадцати лет, будет, наверное, не очень-то трудно разнюхать, что же это был за скандал.

Блэк остановился в местной гостинице, назвав себя исследователем старых церквей в Хэмпшире. Используя этот же предлог, он написал очень вежливую записку теперешнему священнику, спрашивая, может ли он навестить его.

Его просьба была удовлетворена, и викарий, молодой человек и, кроме того, энтузиаст архитектуры, показал ему каждый уголок, каждую мелочь в церкви – от архитектурного оформления входного портала вплоть до колокольной башни, причем продемонстрировал великолепное знание деталей этого строения пятнадцатого века.

Блэк очень внимательно слушал, всячески стараясь замаскировать недостаток своих знаний, а в какой-то момент перевел разговор на тему, касающуюся предшественников нынешнего викария по приходу.

К сожалению, молодой служитель церкви прибыл в Лонг Коммон только шесть лет назад и знает очень мало об Уорнере, так как не он непосредственно за ним наследовал этот пост. Тем не менее он сообщил, что тот действительно прослужил здесь более двенадцати лет, а его жена похоронена на церковном кладбище.

Блэк посмотрел ее могилу; на камне была надпись: «Эмилия-Мэри, беззаветно любящая жена Генри Уорнера, которая оставила сей мир, чтобы покоиться в объятиях Иисуса». Он также обратил внимание на дату. Ее дочери Мэри должно было быть в то время около десяти лет.

Да, сообщил ему викарий, он слышал, что Уорнер покинул свой пост и жительство в сильной спешке и уехал, как ему кажется, в Канаду. Некоторые старые жители деревни должны помнить его. Возможно, что больше всего знает о нем его собственный садовник, который проработал в этой должности более тридцати лет. Насколько знает викарий, Уорнер не был ни историком, ни коллекционером и практически ничего не сделал в исследовательской работе по церкви и религии. Если мистер Блэк пожелает посетить его дом, он может показать много интересных книг по истории Лонг Коммон.

Мистер Блэк извинился. Он уже получил то, что мог, от теперешнего викария и полагал, что вечер, проведенный в баре гостиницы, где он остановился, окажется более плодотворным на информацию.

И его надежды оправдались – он получил предостаточно сведений о преподобном Генри Уорнере. Его уважали в приходе, но никогда по-настоящему не любили из-за резкого характера и нетерпимости. Он не был человеком, к которому шли прихожане в трудную для них минуту; он больше осуждал людей, чем старался утешить их. Он ни разу не переступил порог бара гостиницы, никогда не входил в дружеские отношения с простыми людьми.

Было известно, что у него имелись побочные доходы и он не зависел от прихожан. Уорнер любил, когда его приглашали в некоторые богатые дома в близлежащей округе, так как высоко ценил социальную значимость, но, однако, и в этой среде он не получил популярности.

Короче говоря, преподобный Генри Уорнер был нетерпимым, интеллектуально ограниченным снобом, а это были плохие качества для поста викария, который он занимал. Его жена, напротив, была всеми уважаема и любима, и ее смерть после операции по поводу рака вызвала всеобщее сожаление. Она была мягка, внимательна и заботлива к окружающим. Ее маленькая дочь унаследовала все эти качества.

Может быть, смерть матери так подействовала на девочку? Никто этого не помнил. Полагали, что нет. Она обычно на неделю уезжала в школу и только на выходные возвращалась домой. Несколько человек помнили, что у нее был велосипед, и она любила кататься по деревушке; это было маленькое, прелестное создание.

Садовник и его жена работали в доме преподобного Генри Уорнера, тот самый садовник, который служит у теперешнего викария, – старый Харрис. Нет, он не пришел в этот вечер в гостиничный ресторанчик. Потому что он вообще был трезвенником. Он занимал один из домиков недалеко от церкви. Жена его умерла, и он жил с замужней дочерью. Харрис был фанатичный любитель выращивания роз и почти каждый год выигрывал призы на местной выставке.

Блэк допил свою кружку пива и вышел. Было самое начало вечера. Он решил отказаться от роли собирателя материалов по старым церквам и превратился в коллекционера роз.

Старого Харриса он нашел рядом с его домом: тот сидел и курил трубку. Вдоль всей ограды росли великолепные розы. Блэк остановился и стал вслух ими восторгаться. Завязался разговор. Ему понадобился почти час, чтобы увести садовника от роз к личности предыдущего викария, а уже от него еще глубже к Уорнеру, его жене и, наконец, к Мэри Уорнер. Перед ним развернулась целая история, но, к сожалению, в ней не было ничего такого, чего бы он уже не слышал в деревне.

Преподобный Уорнер был человеком с трудным характером, недружелюбный и безжалостный по отношению к своим прихожанам. Никакого интереса к саду. Кроме того, высокомерный тип. Но если вы сделаете что-нибудь не так, он навалится на вас словно тонна кирпича. Леди была совершенно иной. Такую жалость все испытывали, когда она умерла. Маленькая мисс Мэри также была очаровательной девочкой. Мать очень любила ее и гордилась ею.

– Я полагаю, что преподобный отец решил внезапно покинуть это место, так как чувствовал себя одиноким после смерти миссис Уорнер? – спросил Блэк, предлагая Харрису свой табак.

– Нет, его отъезд не имел к этому никакого отношения. Причиной явилось слабое здоровье маленькой девочки, поскольку после сильной болезни ей рекомендовалось жить за границей. Она ведь перенесла ревматическую лихорадку. Поэтому они отправились в Канаду, и мы больше ничего о них не слышали.

– Ревматическая лихорадка? – проговорил Блэк. – Хуже не может быть.

– Да, но она заразилась не здесь, – сказал старый Харрис. – Моя жена всегда проветривала помещения и тщательно смотрела за каждой вещью. Точно, она подхватила это в школе, и я помню даже, как сказал своей жене, что викарий должен привлечь к ответственности учителей за небрежность. Ведь девочка чуть не умерла.

Блэк обломал ветку розы, сорванную для него Харрисом, и воткнул ее в петельку лацкана.

– Ну и почему викарий не привлек школу к ответственности? – спросил он.

– Он не сказал нам, сделал он это или нет, – ответил садовник, – он просто попросил нас собрать и упаковать вещи девочки и переслать их в Корнуолл по адресу, который он нам дал. Затем приказал упаковать свои собственные вещи, закрыть чехлами мебель, и, прежде чем мы узнали, что же происходит, подкатил большой автофургон, погрузил мебель и увез ее на склад или в магазин для продажи. Позже мы слышали, что она была продана. Викарий сказал еще, что покидает свой пост и они уезжают в Канаду. Больше всего моя жена переживала за Мэри; мы никогда не услышали и слова от них, а ведь мы служили ему верою и правдою много лет.

Блэк согласился, что это не самая хорошая плата за добро, которое было сделано ими.

– Так что? Школа эта находилась в Корнуолле? – поинтересовался он. – В этом случае я вовсе не удивлен тем фактом, что кто-то подхватил ревматическую лихорадку в Корнуолле. На мой взгляд, это самое сырое место в графстве.

– О нет, сэр, – произнес старый Харрис. – Мисс Мэри была отвезена в Корнуолл с целью выздороветь. Насколько мне помнится, местечко называлось Карнлит. В школе же она была в Хите, графство Кент.

– Так и моя дочь в школе недалеко от Хита, – не моргнув глазом соврал Блэк. – Но я думаю, что это в другом месте. Как называлась школа, которую посещала Мэри?

– Затрудняюсь сказать вам, сэр, – ответил старый Харрис, покачивая головой, – это было так давно. Однако я хорошо помню, что Мэри называла это место прелестным, расположенным прямо на берегу моря, и она была там очень счастлива благодаря играм, забавам и всякое такое.

– А-а, – протянул Блэк, – значит, это не одна и та же школа. Школа моей дочери расположена на материке подальше от моря. Не правда ли, выглядит всегда очень смешно, когда люди хватаются не за тот конец палки. Этим вечером я неоднократно слышал мнения людей, высказываемые в адрес мистера Уорнера, как правило, негативного плана, – сомнительный в целом человек. Так вот, кто-то

упомянул, что причиной, заставившей его срочно покинуть вашу деревушку и выехать в Канаду, была сильная травма у его дочери, полученная в результате железнодорожной аварии.

Старый Харрис насмешливо улыбнулся.

– Эти парни в ресторанчике наговорят вам такого, если наберутся изрядно пива, – произнес он. – Что, на самом деле железнодорожное крушение? С какой стати, все в деревне с самого начала знали, что это из-за ревматической лихорадки. Викарий чуть с ума не сошел, беспокоясь за ее состояние, поскольку его срочно вызвали в школу. Я никогда в жизни не видел такого удрученного человека. Должен честно признаться вам, что ни я, ни моя жена до этого случая даже не предполагали, что викарий так сильно любит свою дочь. Мы думали, что он безразличен к ней, так как она была целиком маминой дочкой. Когда он вернулся из школы, его лицо было просто ужасным. Помню, он только сказал моей жене, что Бог должен покарать ее классного руководителя за преступную беспечность. Это были его точные слова: преступная беспечность.

– А может быть, у него самого совесть была нечиста, и он осуждал школу, хотя в душе винил во всем себя? – предположил Блэк.

– Возможно, – согласился задумчиво Харрис, – вполне возможно. Всегда хочется свалить вину на кого-нибудь другого.

Блэк почувствовал, что наступило время снова вернуться к розам, так как больше какой-либо полезной информации здесь, в Лонг Коммон, ему вряд ли удастся выудить. Он задержался еще минут на пять, сделал заметки по сортам, которые рекомендовал выращивать ему, простому любителю, желающему как можно быстрее добиться результата, старый Харрис, пожелал ему доброго вечера, и вернулся в гостиницу. Блэк безмятежно заснул, а следующим утром сел на первый же поезд в Лондон.

После полудня того же дня Блэк поездом прибыл в Хит. Там в отеле он обратился за информацией к управляющей.

– Видите ли, – начал он, – я ищу на побережье школу, подходящую для моей дочери. Насколько мне известно, в этом месте имеется одна или две, заслуживающие внимания. Я подумал, что вы могли бы случайно знать их и, следовательно, дать рекомендации.

– Да, действительно, – ответила управляющая гостиницей, – в Хите имеется две очень хороших школы. Одна, где директором мисс Брэддок, расположена на верху холма. И, конечно, «Святые пчелы» – большая школа с совместным обучением, находящаяся на самом берегу. Здесь, в отеле, как правило, останавливаются родители детей, которые учатся в «Пчелах».

– Совместное обучение? – переспросил Блэк. – И она всегда имела этот профиль?

– Да, с самого основания, то есть более тридцати лет, – ответила управляющая. – Мистер и миссис Джонсон, создавшие эту школу, до сих пор являются ее руководителями, хотя, конечно, теперь это уже довольно пожилые люди. Школа прекрасно управляется и имеет блестящую репутацию. Я знаю, что часто высказываются возражения в отношении совместного обучения, поскольку некоторые родители считают, что девочки становятся мужеподобными и грубыми, а мальчики, наоборот, приобретают женственность и мягкость. Однако сама я ни разу не замечала признаков этого. Дети выглядят очень веселыми, точно так же как и любые другие. Тем не менее дети воспитываются в ней только до пятнадцати лет. Если вы желаете, мне не составит никаких трудностей организовать вам встречу либо с мистером, либо с миссис Джонсон. Я знаю их очень хорошо.

– Большое вам спасибо, – ответил Блэк. – Я был бы вам очень признателен за это.

Свидание было назначено на завтра на половину двенадцатого. Блэк был очень удивлен, узнав о том, что в «Святых пчелах» совместное обучение. Он никогда бы не подумал, что преподобный Генри Уорнер согласится отдать дочь в такую школу. А то, что из двух школ именно «Святые пчелы» была той, где училась Мэри, совершенно определенно следовало из описания старого Харриса, садовника. Это она выходила непосредственно на море, и ее со всех сторон окружала зелень. Другая школа, руководимая миссис Брэддок, располагалась за холмом и таким образом была скрыта от водного простора. Естественно, находясь почти в центре городка, она не имела такого красивого зеленого окружения, да и вид с ее территории открывался не такой красивый. Кроме того, ее спортивные площадки были существенно меньше, чем в «Пчелах». Все эти детали Блэк рассмотрел и проанализировал, специально пройдясь по окрестностям городка, прежде чем явиться на назначенное свидание.

Букет запахов от сверкающего линолеума, начищенных полов и мебели встретили его, как только он переступил порог школьного входа и начал подниматься по лесенке. Служанка ответила на его звонок, открыла дверь и провела в большой кабинет, расположенный справа от холла.

Пожилой мужчина с совершенно лысой головой, в очках в роговой оправе, неестественно улыбнулся, вставая из-за стала и приветствуя гостя.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Блэк, – произнес он. – Итак, вы подыскиваете школу для вашей дочери? Я уверен, что, покидая «Святые пчелы», вы будете считать, что уже нашли ее.

Блэк оценил для себя хозяина одним словом. «Торговец», – сказал он самому себе. Вслух же он продолжил плести нить несуществующей истории о своей дочери Филлис, которая должна вот-вот достичь того щекотливого для родителей возраста, когда детей отдают в школу.

– Щекотливого, вы говорите? – протянул мистер Джонсон. – В таком случае, «Святые пчелы» как раз то самое место, которое необходимо вашей Филлис. У нас нет трудных, проблемных детей. Все их странности у нас как рукой снимаются. Мы очень гордимся нашими веселыми и здоровыми мальчиками и девочками. Пойдите и посмотрите на них сами.

Он похлопал Вязка по плечу и пошел вперед, чтобы показать ему школу. Блэка совсем не интересовала школа с совместным обучением или какая-либо другая; его интересовала история заболевания ревматической лихорадкой Мэри Уорнер девятнадцать лет тому назад. Однако он был терпеливым человеком и позволил провести себя по всем классам, спальням, бассейнам и гимнастическим залам, игровым площадкам и, наконец, столовой.

Затем мистер Джонсон, с выражением триумфатора на лице, привел его снова в кабинет.

– Ну что, мистер Блэк? – спросил он, и довольная улыбка расплылась на его лице; казалось, смеялись даже глаза за роговой оправой очков. – Вы теперь доверите нам воспитание вашей дочери?

Блэк провалился в кресле, сложил руки так, чтобы принять, как ему казалось, позу любящего отца.

– Ваша школа замечательная, – проговорил он, – однако я должен предупредить, что мы беспокоимся за здоровье Филлис. Она не очень крепкий ребенок и легко простужается. Поэтому я опасаясь, как бы ваш воздух не оказался для нее слишком суров.

Мистер Джонсон улыбнулся и, выдвинув один из ящиков стола, вытащил журнал для записей.

– Мой дорогой мистер Блэк, – сказал он, – «Святые пчелы» имеют репутацию самой здоровой школы во всей Англии. Да, дети простужаются. Но у нас они сразу же изолируются; это не дает болезни распространиться. В зимние месяцы мы всем мальчикам и девочкам проводим специальные ингаляции носоглотки; это у нас традиционная процедура. Летом каждое утро у открытых окон мы делаем зарядку для развития легких. Благодаря этому уже в течение пяти лет мы не имеем эпидемии гриппа. Всего лишь один случай кори два года назад, одно заболевание коклюшем три года назад. В этом журнале зафиксированы все случаи заболеваний; можно убедиться, что показатель нашей школы самый лучший, и мы очень этим гордимся.

Он протянул журнал Блэку, который взял его с видимым удовольствием. Ведь это как раз то, что он искал.

– Это просто замечательно, – произнес Блэк, перелистывая страницы. – Конечно, вы используете современные методы гигиены, как я полагаю, что и обеспечивает вам хорошие результаты. Всего лишь несколько лет назад такое вряд ли было возможно.

– Что вы? – воскликнул мистер Джонсон. – Так у нас было заведено всегда. Можете просмотреть журналы за любой год, который вам понравится.

Он встал и вытащил из ящика еще несколько томов. Блэк без всяких колебаний взял том за тот год, когда Мэри Уорнер была увезена из школы ее отцом. Он стал переверачивать страницу за страницей, ища случай ревматической лихорадки. Попадались записи простуд, сломанной ноги, кори, растянутого голеностопа, но заболевания, которое он искал, в книге не значилось.

– А был ли у вас когда-нибудь случай заболевания ревматической лихорадкой? – спросил он. – Моя жена очень опасается, как бы это не случилось у Филлис.

– Никогда, – твердо произнес мистер Джонсон. – Мы очень и очень осторожны. После спортивных занятий и мальчики и девочки протираются специальным составом, а одежда самым тщательным образом проветривается и просушивается.

Блэк закрыл журнал. Он решил использовать тактику прямой атаки.

– Мне нравится то, что я увидел в вашей школе, мистер Джонсон, – начал он издали, – но должен быть откровенным с вами до конца. Моей жене для выбора дали список нескольких школ, в том числе вашей. Но ее она сразу же вычеркнула, поскольку вспомнила, как много лет назад была поражена историей, рассказанной ей одной из подруг. У этой подруги, в свою очередь, был знакомый, – ну, вы знаете, как это бывает, – короче, этот человек был вынужден взять свою дочь из «Святых пчел» и даже хотел привлечь руководство школы за халатность.

Улыбка с лица мистера Джонсона мгновенно исчезла. Глаза за роговыми очками сделались маленькими и злыми.

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы назвали имя вашего знакомого, – произнес он холодно.

– Конечно, конечно, – поспешил Блэк. – Вскоре после этого он покинул страну и уехал в Канаду. Он был священнослужителем, и его имя – преподобный Генри Уорнер.

Роговая оправа не смогла скрыть странного и загадочного мерцания глаз мистера Джонсона. Он облизал языком губы.

– Преподобный Генри Уорнер, – произнес он напряженно. – Постойте-постойте, дайте припомнить...

Он откинулся назад в своем кресле и, казалось, усиленно размышлял. Блэк, хорошо знакомый с приемами уверток и отговорок, прекрасно понимал, что директор «Святых пчел» усиленно раздумывал и старался выиграть время.

– Если говорить точно, мистер Джонсон, – продолжил Блэк, – слова, которые этот знакомый употребил, были «преступная халатность». Так случилось, что буквально на днях я встречался с близкими Уорнера, и они мне рассказывали, что Мэри тогда чуть не умерла.

Мистер Джонсон снял очки и стал медленно протирать стекла. Его выражение полностью изменилось. Мягкий и внимательный педагог превратился в твердолобого, упорного бизнесмена.

– Вполне очевидно, – начал он, – что вы знаете эту историю только с позиции родственников. Если там и присутствовала какая-то преступная халатность, то только со стороны отца, Генри Уорнера, а не с нашей.

Блэк пожал плечами.

– Как отец может быть в этом уверен? – произнес он.

Эти слова заставили директора продолжить тему.

– А как вы можете быть уверены? – выкрикнул мистер Джонсон, стуча ладонями по столу. Вся его доброта и радушие разом куда-то канули. – Я должен вам сказать, что случай с Мэри Уорнер был совершенно исключительным, и в нашей школе никогда не происходил ни до того, ни после. Мы тогда были внимательны и осторожны точно так же, как и сейчас. Я сказал отцу, что то, что случилось, случилось, скорее всего, в выходные дни и, почти определенно, не в школе. Он не верил мне и настаивал на том, что винить нужно наших мальчиков. Я побеседовал с каждым из них, кто достиг определенного возраста, в этой вот самой комнате и в очень доверительной манере. Уверен, что все они говорили правду. И за ними не было никакой вины. В то же время было бесполезно пытаться вытащить какую-то информацию из самой девочки, она не понимала, о чем идет речь и какие сведения добиваются получить от нее. Я едва ли должен говорить вам, мистер Блэк, что вся эта история вызвала ужасающий шок у всех нас, у меня, моей жены и у всех сотрудников школы. Слава Богу, мы смогли пережить и даже забыть ее и полагаем, что она больше никогда не повторится вновь.

Его лицо выдавало усталость и напряжение. Конечно, такая история могла быть пережита, но, определенно, никогда не забыта руководителями школы.

– Что же такое случилось? – спросил удивленный Блэк. – Уж не сказал ли вам Уорнер, что собирается взять свою дочь из вашей школы?

– Не сказал ли он это нам? – отпарировал его слова мистер Джонсон. – Нет, это мы сказали ему. Как же мы могли продолжать держать у себя Мэри Уорнер, когда обнаружили, что у нее была пятимесячная беременность?

Беспорядочная мозаика начинает приобретать логические формы, подумал про себя Блэк. Как это замечательно, когда разрозненные и корявые кусочки плотно ложатся один к другому, если твой разум нацелен на достижение цели.

Его особенно вдохновляло выявление правды через посредство лживых заявлений отдельных людей. Начиная с мисс Марш, ему пришлось пробиваться через ее железный занавес. Далее – преподобный Генри Уорнер; он также сделал все от него зависящее, чтобы выстроить фиктивные баррикады. Железнодорожная авария – для одних, ревматическая лихорадка – для других. А с другой стороны, бедный парень, черт возьми, каким же ударом было для него все это! Поэтому ничего удивительного в том, что он быстро упаковал вещи дочери и отправил ее в Корнуолл, чтобы скрыть тайну, а сам следом снялся с насиженного места и попросту исчез. Но вместе с тем и бессердечный – просто умыл руки после того, как дело было сделано.

Хотя потеря памяти представлялась вполне правдоподобной, Блэка, однако, интересовало, какова была настоящая причина этого. Превратился ли однажды мир беспечного детства школьницы четырнадцати или пятнадцати лет в сплошной кошмар и сострадательная к ней природа просто вычеркнула то, что случилось?

Так все это представлялось Блэку. Однако по натуре он был основательный человек, поэтому, будучи в данный момент нанятым и притом хорошо оплачиваемым за проведение расследования, он не имел права прийти к своему клиенту и рассказать ему только половину всей истории. Нужно вскрыть все дело до конца, до мелких деталей. Он вспомнил, что местечко, куда Мэри была отправлена для выздоровления после предполагаемой ревматической лихорадки, называлось Карнлит. Блэк решил поехать туда.

По дороге ему вдруг пришло в голову, что еще пара фраз со старым Харрисом, садовником, была бы очень полезной, и, поскольку он направлялся на запад, решил заехать в Лонг Коммон. На местном рынке Блэк купил маленькое розовое дерево, которое предполагал использовать в качестве причины приезда. Он бы сказал старому Харрису, что дерево – из собственного сада и он хочет преподнести его в качестве подарка как ответный жест.

В полдень он подрулил к коттеджу садовника, полагая, что в этот час тот должен быть дома для обеда. К сожалению, Харрис отсутствовал, уехал на выставку цветов в Альтон. Замужняя дочь с ребенком на руках открыла дверь и сказала, что не имеет никакого представления о том, когда может вернуться отец. Она казалась приятной и добропорядочной женщиной. Блэк закурил, передал ей розовое дерево и стал восхищаться ребенком.

– У меня младший точно такой же, – начал он с обычной для него легкостью ведения разговора, в ходе которого придумывал самые разные факты и обстоятельства.

– На самом деле, сэр? – произнесла женщина с улыбкой. – А у меня еще двое, но Рой – настоящий баловень семьи.

Пока Блэк докуривал сигарету, они успели обменяться последними новостями о воспитании детей.

– Скажите вашему отцу, что я был в Хите пару дней назад, – сказал он. – Ездил навестить дочь, которая учится там в школе. Совершенно случайно встретил директора «Святых пчел», школы, где училась Мэри Уорнер. Ваш отец рассказывал мне об этом, а также о том, как зол был викарий, когда его дочь подхватила ревматическую лихорадку. Директор школы помнит очень хорошо Мэри. Он, правда, утверждает, что это была вовсе не ревматическая лихорадка, а какой-то вирус, которым она заразилась дома.

– Что вы говорите? – удивилась женщина. – Возможно, он считает так, поскольку должен защищать репутацию школы. Да, школа действительно называлась «Святые пчелы». Я помню, что мисс Мэри часто упоминала «Святые пчелы». Мы были почти одного возраста, и когда она приезжала домой, обычно давала мне покататься на своем велосипеде. В то время это было для меня самое большое удовольствие.

– Значит, Мэри относилась к вам более дружелюбно, чем викарий? – спросил Блэк. – Как я понимаю, ваш отец недолюбливал его.

Женщина улыбнулась.

– Нет-нет, – поспешила ответить она. – Я боюсь, что ни у кого не было определенного мнения о нем, хотя я могу сказать, что он был очень хороший человек. А мисс Мэри была просто прелесть, и все ее любили.

– Вы, наверное, очень обиделись, когда она уехала в Корнуолл, не попрощавшись с вами.

– Да, действительно так. Я никогда не могла понять этого. Я ведь даже писала ей туда, но не получала ответа. Это огорчало и меня, и мою мать. Так не похоже на мисс Мэри.

Блэк забавлял ребенка, личико которого искривилось, и он вот-вот готов был заплакать. Ему не хотелось, чтобы из-за этого дочь Харриса ушла в дом.

– Должно быть, ей было скучно и одиноко в доме викария? – спросил Блэк. – Думаю, что дружба с вами доставляла ей много радости.

– Я не считаю, что Мэри была когда-либо одинока, – ответила женщина, – она была такая открытая душа, всегда находила для каждого слово и не гордилась, как сам викарий. Мы обычно играли с ней в разные игры, например, в индейцев, в прятки. Вы же знаете, как это бывает у детей.

– Никаких мальчиков, походов в кино, а?

– О нет, мисс Мэри была совсем другого сорта. В нынешние-то времена девочки просто ужасны, не так ли? Как молодые женщины. Они охотятся за мужчинами.

– Готов поспорить с вами, но вы обе наверняка имели обожателей.

– Нет-нет. Это правда, ничего такого. Мисс Мэри настолько привыкла к мальчикам в «Святых пчелах», что не воспринимала их как что-то необычное. Кроме того, викарий вряд ли позволил бы ей иметь какого-либо воздыхателя.

– Я тоже так думаю. Как вы считаете, она боялась его?

– Я бы так не сказала. Слово «боялась» не подходит. Скорее всего, она была очень осторожной и делала все так, чтобы не вызвать его неудовольствия.

– Уверен, что она всегда возвращалась домой засветло.

– О, конечно. Она никогда не была вне дома с наступлением темноты.

– Хотелось бы и мне, чтобы моя дочь приходила домой вовремя, – произнес Блэк. – Ведь летом темнеет около одиннадцати вечера, и она часто возвращается в это время. Это нехорошо. Особенно когда мы читаем в газетах о всяких разных вещах.

– Иногда новости просто ужасные, – согласилась дочь садовника.

– Но ведь у вас здесь, кажется, тихое место. Я не думаю, чтобы в округе промышляли какие-то злые люди. Так же, как и в те давние времена.

– Нет, конечно, – сказала женщина. – Впрочем, когда здесь появляются сборщики хмеля, ситуация несколько меняется.

Блэк отбросил докуренную сигарету, так как она уже начинала жечь пальцы.

– Сборщики хмеля? – переспросил он.

– Да, сэр. Здесь выращивается хмель. И летом, когда сюда приезжают сборщики и разбивают здесь лагерь, – а они, как вы понимаете, довольно грубый народ, из самых криминальных районов Лондона, – всякое может случиться.

– Как интересно. Я никогда не предполагал, что в Хэмпшире культивируют хмель.

– О да, сэр. Это уже давно приняло промышленные масштабы.

Блэк помахал цветком перед глазами ребенка.

– Когда вы были маленькая и мисс Мэри тоже, я полагаю, вам не разрешалось близко подходить к лагерю сборщиков? – спросил он.

Женщина рассмеялась.

– Да, нам не разрешали родители, но мы тем не менее туда бегали, – лукаво сказала она. – И, если бы нас там нашли, нам был бы сильный нагоняй. Я вспоминаю, как однажды... В чем дело, Рой? Ты хочешь спать? Смотрите, он почти заснул.

– Ну и что, вы помните, как однажды... – сказал он.

– Ах да, сборщики. Я помню один случай. Мы побежали к ним после ужина. Знаете, как это бывает, познакомились и подружились с одной семьей. Так вот, они что-то праздновали, чей-то день рождения, кажется. Нас, меня и Мэри, угостили пивом. До этого мы его никогда не пили, поэтому немножко опьянели.

Она перевела дух и продолжала.

– Мисс Мэри чувствовала себя хуже, чем я. Уже несколько позже она сказала мне, что не помнит ничего, что произошло в тот вечер. Когда мы вернулись домой, наши головы продолжали кружиться и кружиться. Мы сильно испугались. Я часто думала после того случая, что мог бы сделать викарий, если бы узнал обо всем этом. И мой отец тоже. Думаю, что меня бы выпороли, а мисс Мэри ожидала неприятная проповедь.

– Ну что ж, вы этого заслуживали. А сколько же вам обоим было тогда лет? – спросил Блэк.

– Мне было около тринадцати, а мисс Мэри уже исполнилось четырнадцать. Это было последнее воскресенье, которое она провела в доме священника. Бедная мисс Мэри! Я часто думаю о том, что с ней случилось. Конечно, теперь уже замужем, там, в Канаде. Говорят, прелестная страна.

– Да, Канада – чудное место во всех отношениях. Ну что же, хватит болтать. Не забудьте передать дерево вашему отцу. И положите этого малыша в кроватку, прежде чем он заснет у вас на руках.

– Обязательно, сэр. Доброго вам дня и спасибо.

– Наоборот, это я должен вас поблагодарить.

Блэк считал, что визит был очень плодотворным. Дочь старого Харриса оказалась более полезной, чем он сам. Сборщики и пиво. Хорошее сочетание. Мистер Джонсон из «Святых пчел» сделал бы вполне однозначный вывод. И по времени все совпадает. С мальчиков из «Пчел» полностью снимаются всякие подозрения. Какая, однако, дьявольская история.

Блэк отпустил сцепление и покатил вдоль Лонг Коммон по направлению на запад. Он отчетливо понимал, что очень важным является выяснение момента, когда Мэри Уорнер потеряла память. Было совершенно очевидно, что она не помнила ничего из того, что, должно быть, случилось недалеко от лагеря сборщиков хмеля, празднующих день рождения. Мутная голова, темнота и две испуганные девочки, пробирающиеся в сторону дома.

Мистер Джонсон, все еще возбужденный в отчаянном желании защитить школу, говорил Блэку, что у него нет никаких сомнений: Мэри совсем не понимала того, что с ней произошло.

Когда миссис Джонсон, ошеломленная тем, что вскрылось, допрашивала девочку, Мэри Уорнер была попросту сбита с толку. Она подумала, что директриса сошла с ума.

– Что вы имеете в виду? – сказала девочка. – Я еще не достигла необходимого возраста и даже не замужем. Или вы полагаете, что я такая же, как и Мэри из Библии?

Она не имела ни малейшего представления о реальностях жизни. Школьный доктор посоветовал прекратить дальнейшие расспросы девочки. Послали за ее отцом. В результате Мэри Уорнер покинула школу. Что касается мистера Джонсона и персонала школы «Святые пчелы», на этом дело заканчивалось.

Между тем Блэка интересовало, что викарий мог сказать своей дочери. Он подозревал, что разозленный Генри Уорнер продолжал допрос несчастной девочки до тех пор, пока не вызвал лихорадку в ее разуме. Шок, должно быть, оказался настолько сильным, что подействовал на еще хрупкий мозг девочки и мог вызвать в нем пожизненные нарушения. Но полной ясности у него не было. Блэк думал, что, возможно, какие-то важные сведения он сможет найти в Карнлите. Однако проблема состояла еще и в том, что он четко не представлял себе, что же он должен найти. Ведь, скорее всего, преподобный Генри Уорнер изменил фамилию дочери.

Карнлит оказался маленьким рыбацким портом на южном побережье. Вполне вероятно, что в последние девятнадцать лет он увеличился в размере, поскольку в нем было три или четыре средних размеров отеля, несколько вилл. Не вызывало сомнения, что теперешнее население городка отдает предпочтение туризму, а не рыболовству.

Семья Блэка, дочь Филлис и еще мальчик, вернулась на мифическую землю, откуда, собственно говоря, они и родом. Блэк недавно женился вторично, и его жена, восемнадцатилетняя девушка, ожидает своего первенца. Когда он наводил справки в отношении частной лечебницы, его мучили сомнения. Но они были напрасны, так как нашлась такая в Карнлите, да еще к тому же специализирующаяся в области акушерства. «Вид на море» – так она называлась. Как раз на краю крутого обрыва, прямо над портом.

Блэк подал машину назад и припарковался к кирпичной стене здания, вышел и направился к центральному входу. Когда на его звонок открылась дверь, он сказал, что хочет видеть сестру-хозяйку. Да-да, речь идет о том, чтобы зарезервировать место будущей роженице.

Его проводили в кабинет сестры-хозяйки. Это была маленькая, полная и веселая женщина, и Блэк уже почувствовал уверенность в том, что она будет настойчиво советовать оставить его воображаемую жену, Перл, – в полете фантазии Блэк так решил назвать ее – на заботливое попечение квалифицированного персонала данного родильного дома.

– А когда вы ожидаете это счастливое событие? – спросила ласково матрона, произнесла это настолько сердечно, что Блэк сразу же почувствовал себя как в домашней обстановке.

– В мае, – ответил он. – Моя жена осталась с тещей, поэтому я совершил это маленькое путешествие один. В этот знаменательный для нас день жена хотела бы быть рядом с морем, и, поскольку мы провели здесь медовый месяц, оба испытываем к этому месту сентиментальную привязанность.

Произнося эти слова, Блэк изобразил, как ему казалось, застенчивую улыбку, характерную для всех потенциальных молодых отцов.

– Прекрасно, просто прекрасно, мистер Блэк, – с хитрецей произнесла хозяйка. – Так сказать, назад, на место преступления, а? – Она искренне рассмеялась. – Однако не все мои пациентки с удовольствием бросают взгляд на недавнее прошлое. Вы даже удивитесь.

Блэк протянул сестре-хозяйке сигарету. Она взяла ее, закурила и с удовольствием выпустила кольцо дыма.

– Я надеюсь, вы не собираетесь развеять мои иллюзии, – произнес он.

– Иллюзии? – громко, с пафосом и нравоучением в голосе сказала матрона. – У нас их здесь очень мало. Они все улетучиваются отсюда в сторону запада, в родильный блок. То, что считается удовольствием, в один миг оборачивается мучительной болью.

Блэк выразил на лице беспокойство за несуществующую Перл.

– Ну ничего, – сказал он, – моя жена довольно отважная женщина, и, я думаю, она не испугается. Я должен сказать, что она значительно моложе меня. Ей только что исполнилось восемнадцать. Это, пожалуй, единственная проблема, которая меня сейчас беспокоит. Как вы полагаете, не слишком ли это рано для женщины?

– Слова «слишком рано» в данном случае неуместны, – произнесла матрона, пуская клубы дыма. – Чем раньше, тем лучше. Кости еще не потеряли подвижность, да физической силы больше, хотя мышцы еще не развиты. Поэтому мне головную боль доставляют именно возрастные роженицы. Приходят, знаете, так в тридцать пять и изображают, что прибыли на пикник. Но мы их быстро ставим на место. Кстати, ваша жена играет в теннис?

– Совсем не играет.

– Очень хорошо. На прошлой неделе к нам поступила одна девочка, чемпионка Ньюкэя. Ну, у нее и мышцы были! Так вот, пробыла в боксе тридцать шесть часов. Сестра и я были совершенно измотаны к концу родов.

– А что с девочкой?

– О, ничего особенного. Она быстро пришла в себя после того, как мы зашили ее.

– А у вас до этого были пациентки моложе восемнадцати лет? – спросил он.

– Даже еще моложе, – ответила матрона, – в нашей больнице обслуживаются роженицы практически любого возраста, от четырнадцати до сорока пяти. Однако не все они имеют приятные медовые месяцы. Не хотите ли посмотреть некоторых моих детей? Могу показать вам малыша, родившегося всего лишь час назад. Сестра как раз подготавливает его для показа матери.

Блэк как смог ожесточил себя, готовясь к тяжелому испытанию. Если матрона оказалась любезной всего лишь за предложенную сигарету, что же она способна сделать после двух двойных джинов? Он уже знал, что должен пригласить ее на обед. Он прошел с ней почти весь родильный дом, познакомился с одной или двумя будущими мамами, затем видел нескольких матерей, чьи иллюзии наверняка были разбиты, но когда ему показали детей и родильное отделение, он молча, про себя, дал клятву оставаться до конца жизни бездетным.

Блэк зарезервировал комнату для Перл с видом на море, назвал точную дату в мае и даже внес аванс и только после этого пригласил сестру-хозяйку на обед.

– Очень любезно с вашей стороны, – отреагировала она. – Я очень люблю ресторан. «Контрабандист», пожалуй, самый подходящий, небольшой и внешне вроде бы неказист, но бар – лучший в Карнлите.

– Тогда решено, «Контрабандист», – сказал Блэк, и они договорились встретиться в семь вечера.

К половине десятого, после двух двойных джинов, лобстеров и бутылки шаблиса, за которыми последовал бренди, вся трудность для Блэка состояла не в том, чтобы разговорить матрону, но в том, чтобы ограничить ее словоизлияния. Она пустилась в такие дебри акушерства и с такими подробностями, что Блэку попросту стало плохо. Он посоветовал ей написать воспоминания. Матрона сказала, что сделает это обязательно, но уже выйдя на пенсию.

– Не называйте мне конкретных имен, – сказал он, – и не говорите, пожалуйста, что все ваши пациентки – замужние женщины, потому что я вам все равно не поверю.

Матрона улыбнулась и залпом выпила свой первый бренди.

– Я уже говорила вам, что в нашей больнице были всякие, но пусть вас это не пугает. Мы – очень порядочное учреждение.

– Я не из пугливых, – произнес Блэк, – да и моя жена тоже.

Матрона опять улыбнулась.

– Чувствуется, что вы хорошо знаете свою жену, – сказала она. – К сожалению, большинство мужчин не знает. У нас бы тогда было меньше слез. – Она подалась вперед, ближе к нему, что предполагало доверительность того, что она собиралась сказать. – Вы бы были просто ошеломлены, если бы узнали, какие дела у нас творятся. Конечно, я не имею в виду порядочных, состоящих в законном браке людей, подобно вам. А тех, которые однажды поскользнулись. Они приходят сюда, чтобы просто завершить свой неприятный бизнес. А еще претендуют называться людьми из высшего общества, все такие прекрасненькие и порядочные. Но я-то знаю, меня не обманешь. Слишком уж долго я играю в эту игру. У нас были и титулованные пациенты, разные там миссис, и их мужья, которые думали, что они в отпуске на юге Франции. Ничего подобного. В результате они имеют то, на что совершенно не рассчитывали, – «Вид на море», наше заведение.

Блэк заказал еще бренди.

– Что случается с нежелательными детьми? – спросил он.

– О, у меня много контактов, – быстро ответила она, – на этом свете имеется много приемных матерей, которые не откажутся от двадцати пяти шиллингов в неделю до того момента, когда ребенок достигает школьного возраста. И никто не задает никаких вопросов. Иногда я встречала в газетах фотографии настоящих матерей. Обычно я их показывала сестре, и мы вдвоем тихо смеялись. В родильном блоке у них не было таких прелестных улыбок, бывало, говорила я ей. Да, я, пожалуй, напишу мемуары. Осмелюсь сказать, что они чего-нибудь да будут стоить; даже думаю, что будут распродаваться не хуже горячих пирожков.

Матрона взяла еще одну сигарету у Блэка.

– Я все еще продолжаю беспокоиться из-за возраста моей жены, – произнес он. – Какой был самый юный возраст в вашей практике?

Матрона замолчала на некоторое время и задумалась, облака дыма вырывались из ее рта в такт дыханию.

– Шестнадцать, пятнадцать, – произнесла она наконец. – Да, однажды мы имели пятнадцатилетнюю, а точнее, ей едва исполнилось пятнадцать, если меня не подводит память. Это был печальный случай. Прошло уже столько лет.

– Расскажите мне об этом.

Матрона сделала глоток бренди.

– Девочка была из благополучной семьи, – начала она. – Отец готов был заплатить любую названную мной сумму, но вы же знаете, я не хапуга. Я ему назвала цену, которую считала справедливой, и он был настолько доволен свалить свою дочь на меня, что дал мне чуть-чуть больше. Она оставалась со мной в течение пяти месяцев – случай, который в моей практике является редким исключением. Но он сказал: или пять месяцев, или отправка домой. Мне так жалко было бедную девочку, что я решила взять ее.

– Как это случилось? – спросил Блэк.

– Школа с совместным обучением, как сообщил отец девочки. Однако я никогда не верила в это ни на йоту. Самое удивительное заключалось в том, что маленькая девочка не могла никому из нас сказать, что же такое произошло. Обычно я в конечном счете добивалась правды от моих пациенток, но из нее я не выудила и полнамека. Она сказала нам, что ее отец расценил это как величайший позор, который когда-нибудь сваливался на какую-либо девочку. Она сообщила также, что никак этого не могла понять, поскольку ее отец был священником и в своих проповедях всегда отмечал, что то, что случилось с Непорочной Марией, было наиболее удивительным фактом в нашей жизни.

Официант подошел к ним со счетом, но Блэк взмахом руки приказал ему удаляться.

– Вы хотите сказать, что девочка воспринимала все это как явление сверхъестественное? – спросил он.

– Да, это было как раз то, что она думала, – сказала матрона, – и ничто в мире не могло разубедить ее. Мы ей рассказывали о правде жизни, но она не верила никому из нас. Она говорила сестре, что то, ужасное, что мы пытались ей объяснить, действительно может случиться с кем-то еще, но только не с ней. Она как-то заметила, что часто мечтала об ангелах, и, видимо, один из них прилетел к ней ночью, когда она спала. Поэтому ее отец будет первым, кто скажет сразу же после рождения ребенка, что очень сожалеет о грубых словах и поступках, которые он совершил в связи с этой историей, поскольку это будет новый мессия. Вы даже не представляете, как трогательно было слушать ее рассуждения, она была так в этом уверена. Говорила нам, что любит детей и ни капельки не боится предстоящего испытания. Единственное, чего бы она желала, так это быть достойной матерью; она знала, что на этот раз ребенок действительно спасет весь мир.

– Ужасная история, – произнес Блэк. Он заказал кофе.

С каждым глотком бренди матрона становилась более мягкой, человеческой; она даже перестала причмокивать губами.

– Мы так полюбили Мэри, сестра и я, – проговорила она с нежностью в голосе. – Вы даже не можете себе представить. Такая нежная натура. Вы знаете, постепенно и мы стали верить в ее слова. Она напомнила нам, что святая Мария была только на год или около этого моложе, когда она родила Иисуса, и что Иосиф пытался спрятать ее, поскольку был шокирован, как и ее собственный отец, рождением ребенка. Слушайте, говорила она нам, на небе появится огромная звезда в тот день, когда родится мой ребенок. И вы знаете, случилось именно так. Конечно, это всего лишь Венера, но мы обе, сестра и я, были очень довольны этим обстоятельством, считая, что оно в какой-то степени помогло Мэри. Оно отвлекло ее разум от того, что случилось.

Матрона допила свой кофе и взглянула на часы.

– Пожалуй, мне нужно уже уходить, – сказала она. – Завтра в восемь утра нам предстоит сделать кесарево сечение, и я должна хорошо выспаться.

– Но сначала завершите ваш рассказ, – вежливо попросил Блэк. – Чем же все это закончилось?

– Она родила мальчика. Я в жизни не видела более умирительной картины: Мэри, сама почти еще дитя, сидит на кровати и держит на руках малыша. Все равно что девочка с куклой, подаренной ей в день рождения; она была так довольна, что не могла произнести и слова. Всего-то и проговорила: «О матрона, о матрона», – и повторила это много раз. Господь знает, я не из сентиментальных людей, однако я была готова разрыдаться, как и сестра.

Она глубоко вздохнула, как бы вновь переживая этот момент, и продолжила:

– Могу сказать вам только одно. Я не знаю, кто был этот человек, который сделал ее матерью, но он был рыжий. Я даже помню, как в самый первый миг его жизни я сказала малышу: «Эй, да ты настоящая морковка, маленькая красненькая морковка, и никто другой». Для всех нас он стал с тех пор Морковкой, впрочем, как и для бедной девочки. Я даже не хочу вам рассказывать их дальнейшую историю, не хочу переживать это снова, так как в конце концов мы разлучили их.

– Разлучили? – воскликнул, оторопев, Блэк.

– Да, мы вынуждены были сделать это. Отец решил забрать девочку с собой, чтобы начать новую жизнь, и, вполне понятно, она не смогла бы этого сделать при наличии ребенка; во всяком случае, в таком возрасте, как она. Мы продержали их в больнице около месяца, да и это, я считаю, было много, так как она все больше и больше привязывалась к малышу. Однако все уже было устроено, и отец приехал за ней. А ребенка должны были направить в приют. Сестра и я только об этом и говорили. И мы решили, что самым лучшим для бедной Мэри будет сказать, что Морковка ночью умер. Так ей и сказали. Случилось что-то ужасное, чего мы не ожидали. Она стала мертвенно-бледной, а затем закричала, дико закричала... Мне кажется буду помнить этот крик до конца своих дней.

Она посмотрела на Блэка, чувствовалось, что она искренне переживает вновь эту грустную сцену.

– Было ужасно. Она голосила, билась в судорогах. Затем упала как подкошенная. Мы даже опасались, что она умрет. Позвали доктора – обычно это не делается, так как мы сами ухаживали за роженицами, – который нашел ее состояние ужасным и не исключил, что шок, вызванный потерей ребенка, может повлиять на ее мозг. В конце концов она пришла в себя. Но вы знаете, что произошло? Она полностью потеряла память, не узнавала ни нас, ни своего отца, никого. Она не помнила ничего, что произошло. Она была нормальна физически, умственно, но и только. Доктор

сказал, что это самый благоприятный исход для такого случая. Однако если такой же шок еще хоть раз повторится, сказал он, для бедной маленькой девочки может наступить горькое пробуждение с непредсказуемыми последствиями.

Блэк подозвал официанта и заплатил по счету.

– Мне жалко, что мы заканчиваем вечер на такой трагической ноте, – сказал он. – Но тем не менее я вас сердечно благодарю за этот рассказ и думаю, что он обязательно должен быть упомянут в ваших мемуарах, когда вы приступите к их написанию. Кстати, а что случилось с ребенком?

Матрона взяла свою сумочку, достала перчатки и стала медленно надевать их.

– Его взяли в приют «Святого Эдмонда» в Ньюкэе, – ответила она. – У меня есть приятель в совете управляющих, и он помог мне все это устроить. Вы знаете, это было не так-то просто. Мы назвали мальчика Том Смит; знаете, безопасное и вместе с тем благозвучное имя. Но я всегда буду думать о нем как о Морковке. Бедный малыш, он никогда не узнает, что в мыслях матери ему предназначалась судьба спасителя мира.

Блэк отвез матрону назад, к больнице «Вид на море», и пообещал написать, как только он вернется домой, чтобы подтвердить резервирование комнаты. После этого он вычеркнул в своем блокноте ее имя и Карнлит, а внизу под этим дописал: «Приют 'Святого Эдмонда', Ньюкэй». Ему представлялось неразумным проехать сюда, на юго-запад, довольно длинное расстояние, и посчитать излишним крюк всего лишь в несколько миль. Он так и сделал, но этот кусок оказался во всем этом деле не только новым трудным испытанием, но и источником новых сведений.

В домах, где содержались отпрыски незамужних матерей, как правило, не очень-то любят обсуждать проблемы, связанные с местонахождением детей, которые в свое время были отданы на их попечение. Заведующий приютом «Святой Эдмонд» не был исключением.

– К чему это? – объяснял он Блэку. – Дети ничего не знают, кроме названия приюта, их воспитавшего. Их просто выбило бы из колеи, если бы родители вдруг решили установить с ними какие-то отношения. Кроме всякого рода осложнений, это ни к чему бы не привело.

– Я очень хорошо вас понимаю, – настаивал Блэк, – но в данном случае не будет никаких осложнений. Отец – неизвестен, а мать умерла.

– Но это только ваши слова, а где официальные документы, подтверждающие это? – заметил управляющий. – Очень сожалею, но это идет вразрез с существующими правилами, которые требуют сохранения тайны. Я могу вам сказать только одну вещь. Последние сведения о мальчике – он встал на ноги и имеет хорошую работу в качестве коммивояжера. К сожалению, это все, что я могу вам открыть.

– Вы и так достаточно мне сказали, – откланялся Блэк.

Он вернулся к машине и взглянул в свои записи. Сведения, сообщенные управляющим, прозвучали своеобразным звонком не только в его сознании – они совпали также с записями, которые были еще раньше сделаны в его блокноте.

Последним человеком, который видел леди Фаррен живой, за исключением, конечно, слуги сэра Джона, был коммивояжер, предлагавший садовую мебель.

Блэк направился на север, в Лондон.

Фирма, занимавшаяся изготовлением садовой мебели, имела штаб-квартиру в Норвуде, графство Миддлсекс. Блэк заполучил ее адрес через сэра Джона, связавшись с ним по телефону. Каталог фирмы сохранялся среди прочих документов и писем леди Фаррен.

– В чем дело? У вас уже есть какие-то соображения? – допытывался сэр Джон в трубку.

Но Блэк был осторожен.

– Остается окончательная проверка фактов, – ответил он. – Полагаю, что мы находимся на завершающей стадии. Я свяжусь с вами тотчас же, как это станет возможным.

Он отправился разыскивать менеджера мебельной фирмы, отбросив на этот раз всякую маскировку. Предъявив свою карточку, он сообщил менеджеру, что нанят сэром Джоном Фарреном с целью расследования последних часов жизни его умершей жены леди Фаррен, которая, как, видимо, читал об этом в газетах сам менеджер, была найдена убитой неделю назад. Утром в день ее смерти она сделала заказ на приобретение садовых кресел коммивояжером из данной фирмы. Возможно ли, спросил Блэк, повидать этого человека?

Менеджер попросил тысячу извинений, но все три коммивояжера, работающие у него, в данный момент отсутствуют, причем нет никакой возможности связаться с ними. Не мог бы мистер Блэк дать ему имя конкретного продавца, с которым желает побеседовать? Да, конечно. Том Смит. Менеджер сверился с книгой. Том Смит был еще совсем молодым человеком. Это его первая коммерческая поездка, и его не ожидали назад, в Норвуд, раньше чем через пять дней. Если у мистера Блэка срочные дела и они требуют как можно быстрее увидеться с продавцом, менеджер посоветовал бы тогда посетить дом молодого человека вечером четвертого дня, так как он к этому времени должен уже вернуться. Он дал Блэку адрес.

– Не могли ли вы сказать мне, – спросил Блэк, – у этого вашего юного коммивояжера случайно не рыжие волосы?

Менеджер улыбнулся.

– А, Шерлок Холмс? – произнес он. – Да, вы правы, у Тома Смита копна огненно-рыжих волос. Вы даже можете погреть о них свои руки.

Блэк поблагодарил менеджера и покинул офис. Он стал размышлять, не стоит ли ему подъехать к сэру Джону немедленно или же имеет смысл подождать четыре или пять дней, чтобы задать вопросы юному Смигу? Все опять совпадало. История практически им была уже понята. Леди Фаррен, должно быть, узнала своего сына, и этим все объясняется. Но так ли это? Ведь слуга принес леди Фаррен в гостиную стакан молока сразу же после того, как ушел коммивояжер, и нашел хозяйку совершенно нормальной. Кусочки совпадали, но все еще имелся один с неровными краями, который отсутствовал. Поэтому Блэк решил подождать.

На четвертый день вечером около половины восьмого он отправился в Норвуд, рассчитывая, что Смит вернулся домой. Удача сопутствовала ему. Владелица дома, отпирившая дверь, сообщила, что мистер Смит ужинает, и любезно пригласила его войти. Она провела его в маленькую комнату, где молодой человек, почти еще мальчик, сидел за столом и ел копченую селедку.

– Джентльмен хотел бы видеть вас, мистер Смит, – сказала она и сразу же покинула комнату.

Смит положил на стол вилку и нож и вытер рот. У него было тонкое, даже очень, лицо, бледно-голубые, близко посаженные глаза. Ярко-рыжие волосы, словно щетка, торчали на голове в разные стороны. Он был небольшого роста и в целом хрупкого телосложения.

– В чем дело? – спросил Смит. Еще до того как Блэк успел что-либо произнести, он избрал оборонительную тактику.

– Меня зовут Блэк, – произнес мягко детектив, – я из частного сыскного бюро и хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы не против.

Том Смит встал из-за стола, глаза его сузились и стали маленькими.

– К чему вы клоните? – сказал он. – Я не сделал ничего противозаконного.

Блэк закурил сигарету и сел.

– Я этого не утверждаю, – спокойно заметил он, – и прибыл сюда не для того, чтобы заглянуть в вашу книгу заказов, если это то, что вас пугает. Но, как мне стало известно, вы недавно посетили леди Фаррен, и она заказала вам два садовых кресла.

– Ну и что?

– Скажите, пожалуйста, что произошло во время вашего разговора с ней.

Том Смит продолжал с подозрением разглядывать Блэка.

– Хорошо, – наконец произнес он, – допустим, я побывал в ее доме, допустим, что она сделала два заказа. Я их выполню, как только появлюсь на фирме, в этом не может быть никакого сомнения. Могу сказать также, что я попросил ее выписать чек на мое имя, хотя не имел на это права. Но это больше никогда не повторится.

Блэк сразу же вспомнил о мисс Марш. Вспомнил он также и о преподобном Генри Уорнере. Даже о мистере Джонсоне с его самообороной. Почему люди лгут, когда их спрашивают совершенно о другом?

– Я полагаю, будет много проще для вас и для ваших взаимоотношений с фирмой, если вы мне скажете всю правду, – сказал Блэк. – Если вы поступите именно так, я не буду докладывать о вас ни руководству фирмы, ни управляющему приютом «Святого Эдмонда».

Молодой человек переминался с ноги на ногу: чувствовалось, что он весь напряжен.

– Вы пришли по их просьбе? – поинтересовался он. – Я должен был предвидеть это. Всегда все наваливается именно на меня, все неприятности. И так с самого начала. Никогда не было счастливого случая.

Нотка сожаления и сострадания к самому себе чувствовалась в его голосе. Он почти скулил. Младенец, предназначенный спасти мир, думал Блэк, видимо, не достиг до сего дня заметного успеха на работе.

– Меня не интересует все ваше детство, – сказал Блэк, – а только самое недавнее прошлое, в частности разговор, который вы имели с леди Фаррен. Возможно, вы не знаете этого, но леди мертва.

Молодой человек кивнул утвердительно.

– Видел в вечерней газете, – проговорил он, – это как раз и заставило меня совершить проступок. Она не смогла бы уже выдать меня.

– Какой проступок? – спросил Блэк.

– Истратить деньги, – ответил Том Смит, – и вычеркнуть заказ из моей книжки, никому не сказав об этом, и дело с концом.

Блэк затянулся сигаретой. Внезапно перед его глазами возникла картина: много тентов, автофургонов и матрацы, разбросанные по полю, где хмель растет, почти в двух шагах от деревенских домов, взрывы смеха и запах пива и паренек с бегающими глазами и рыжими волосами, точно такими же, как у Смита, прячется за грузовиком.

– Да, – произнес Блэк, – и дело с концом, как вы сказали. Что вы еще можете сообщить?

Том Смит немного успокоился. Детектив не собирается ничего предпринимать против него; если, конечно, он скажет правду. Ну что ж, хорошо.

– Леди Фаррен была в списке высокопоставленных особ, проживающих в этом районе, – начал Смит, – много денег, как мне сказали, и наверняка она сделает мне заказ. Итак, я позвонил в дверь, и слуга провел меня в дом. Я предложил леди каталог, и она выбрала два кресла; я попросил выписать чек. Она выписала его и протянула мне. Вот, собственно, и все.

– Подождите минуточку, – произнес Блэк. – Была ли леди Фаррен добра и ласкова с вами? Или как-то по-особому уделяла вам внимание?

Молодой человек, казалось, был удивлен.

– Мне – внимание? – ответил он. – Нет, с какой стати? Я был для нее никто. Просто парнем, пытающимся продать ей пару садовых кресел.

– Что она вам говорила? – настаивал Блэк.

– Она всего лишь просматривала каталог, а я стоял в ожидании. Затем она отметила карандашом две позиции, а я спросил, выпишет ли она мне чек, – видите ли, я все-таки пытался получить деньги сам. По ее лицу я понял, что она принадлежит к категории людей, которых легко обмануть. И она действительно, не моргнув глазом, подошла к бюро и выписала чек.

Он внимательно посмотрел в глаза Блэка, пытаясь уловить его реакцию, а затем продолжил:

– Чек был на двадцать фунтов, по десять за кресло. Я пожелал ей доброго утра, а она позвонила в колокольчик, чтобы слуга проводил меня. Как только я оказался на улице, сразу же направился в банк и получил по чеку наличные. Положив деньги в свой бумажник, я еще не был уверен в том, истрачу их или нет. Но когда я прочитал в газете, что леди умерла, я сказал себе: «Ну вот, теперь денежки мои». Послушайте, вы не должны осуждать меня. Это был первый шанс, который мне представился в жизни, чтобы получить хоть самую малость.

Блэк затушил сигарету.

– Первый шанс, и вы использовали его бесчестно, – сказал он. – Вам не стыдно за самого себя?

– Никто не может быть осужден, пока его не схватили за руку, – проговорил Том Смит. Неожиданно он улыбнулся. Улыбка как-то осветила это бледное, остроносое, как у хорька, лицо. Сделала более глубокими голубые глаза. Скрытность куда-то улетучилась, и на ее месте засияла странная, привлекательная чистота и невинность. – Я понимаю теперь, что уловка не сработала, – сказал он. – В следующий раз я попытаюсь действовать иначе.

– Попытайтесь спасти мир? – спросил Блэк.

– Да.

Блэк попрощался и пожелал Тому Смицу удачи. Когда он шел по улице к машине, он чувствовал, что молодой человек вышел на крыльцо и наблюдает за ним.

После полудня следующего дня Блэк направился к дому сэра Джона Фаррена, чтобы доложить о результатах своего расследования. Однако прежде чем его провели в библиотеку, он попросил слугу переговорить с ним с глазу на глаз. Они оба вышли в гостиную.

– Вы провели торговца в эту комнату и оставили наедине с леди Фаррен. Затем примерно пять минут спустя леди Фаррен позвонила, и вы проводили гостя из дома. Потом вы снова вошли в гостиную со стаканом молока для леди Фаррен. Я правильно излагаю ход событий?

– Совершенно верно, сэр, – ответил слуга сэра Джона.

– Когда вы вошли с молоком, что делала ваша хозяйка?

– Она стояла, сэр, примерно в том месте, где находитесь сейчас вы, и просматривала каталог.

– Она выглядела как обычно?

– Да, сэр.

– Что произошло после этого? Я уже спрашивал вас об этом раньше, но хочу еще раз удостовериться, прежде чем начать разговор с сэром Джоном.

Слуга на некоторое время задумался.

– Я подал хозяйке молоко и спросил, будут ли какие распоряжения для шофера. Она сказала – нет, так как сам сэр Джон повезет ее после обеда. Сказала мне также, что заказала два садовых кресла, и показала их, отмеченные в каталоге. Я заметил, что они будут очень полезны для сада. После этого она положила каталог на стол и подошла к окну, держа в руках стакан.

– Ничего больше она не говорила? Никак не упомянула торговца, который принес каталог?

– Нет, сэр. Хозяйка в отношении его не сделала никаких замечаний. Насколько я помню, это я высказался на его счет. Как раз в тот момент, когда выходил из гостиной. Но я почти уверен, что леди не слышала моих слов. Во всяком случае, она ничего не ответила.

– А что вы сказали?

– Я сказал... я просто пошутил. Леди очень любила юмор. Так я сказал, что, если этот торговец придет сюда снова, я сразу же узнаю его по рыжим волосам. Этот человек – самая настоящая маленькая морковка, без всяких преувеличений, произнес я. Затем закрыл за собой дверь и направился в буфетную.

– Благодарю вас, – сказал Блэк, – у меня к вам больше нет вопросов.

Он продолжал стоять в гостиной, глядя задумчиво через окно в сад. В комнату вошел сэр Джон.

– Я ждал вас в библиотеке, – сказал он, – вы уже давно здесь?

– Всего лишь несколько минут, – ответил Блэк.

– Ну хорошо. И каков ваш вывод?

– Тот же самый, что и раньше, сэр Джон.

– Как это? Вы имеете в виду, что мы находимся на том же самом месте, с которого начали расследование? Вы не можете назвать мне никаких причин, никаких мотивов, в силу которых моя жена решила покончить с собой?

– Никаких, сэр. Я пришел к заключению, что версия доктора была правильной. Внезапный импульс, вызванный ее физическим состоянием, заставил леди Фаррен пойти в охотничью комнату, взять ваш револьвер и выстрелить в себя. Она была счастлива, полностью удовлетворена всем, и, как вы знаете, сэр Джон, так же как и любой другой, она прожила безупречную жизнь. У нее абсолютно не было **никаких мотивов** совершить то, что она сделала.

– Спасибо Господу, – тихо проговорил сэр Джон.

До этого момента Блэк никогда не считал себя сентиментальным человеком. Теперь он не был до конца уверен в этом.